

УДК 391.7+745.04

М.В. МОСКВИНА

СТАТУСНЫЙ СИМВОЛИЗМ ТРАДИЦИОННЫХ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: marg.moskvina@gmail.ru

Статья посвящена проблеме обозначения символики статуса традиционного комплекта женских украшений. На материалах тюркских народов Саяно-Алтая выстраивается схема маркирования социального и возрастного статуса женщины через различные комбинации украшений, подчеркивается их роль при ее переходе из одной возрастной группы в другую, а также при изменении семейного положения. Статусная символика украшений сохраняется в тюркских культурах Саяно-Алтая вплоть до современности.

Ключевые слова: традиционные женские украшения, Саяно-Алтай, тюрки, половозрастной символизм.

В культуре тюрков Саяно-Алтая украшения традиционно формировали образ женщины, вводя ее в сложную систему социальных и природных связей. Украшения были знаками, определяющими социально-возрастное положение владелицы; они участвовали во всех важнейших церемониях жизненного цикла. С помощью украшений фиксировался обрядовый переход из одной возрастной группы в другую и изменение социального положения.

Очень высоким знаковым уровнем отличались головные и нагрудные украшения женщины. Голова воспринималась как особая священная часть тела, в определенном смысле воплощающая самого человека, поэтому она обильно декорировалась. Среди традиционных женских головных украшений у тюрков Саяно-Алтая были распространены ушные и височные, а также украшения волос в различных вариациях.

Первостепенное значение для маркировки статуса женщины имели серьги. Их носили всю жизнь; менялись только формы, которые усложнялись от девичества к зрелости, а затем вновь упрощались к старости. Серьги являлись обязательной частью портретной характеристики женщины, выступая заместителем своей владелицы.

Девочкам бачатских телеутов сразу после рождения или на второй-третий день прокалывали уши обыкновенной иглой, смоченной в мильной воде. В отверстие продевали шелковую нить, которую ежедневно смачивали слюной и дергивали, чтобы мочка не зарастала. После полного заживления раны в уши продевались серьги. [1, с. 184–185]. Точно так поступали и другие народы тюркского круга, например тувинцы. По материалам Л.Э. Каруновской, мочки ушей у бачатских телеуток прокалывали «в первые весенние месяцы, когда реки разливаются и у черемухи наливаются почки, если ко времени появления на свет

ребенка черемуха успеет отцвести, операцию прокалывания откладывают до следующей весны, утверждают, что в противном случае у ребенка уши будут болеть» [2, с. 32].

Прежде телеуты могли прокалывать мочку правого уха у долгожданного, единственного сына, как для охраны, так и для введения в заблуждение злых духов, которые, как они полагали, были индифферентны к девочкам. Дополнительно, по мнению Д.А. Функа, происходило закрытие ушного отверстия - чтобы душу мальчика не могли украсть. Кроме того, использовалась защитная семантика металла [1, с. 184–185].

При переходе в возрастную категорию невест в комплексе девичьих украшений появлялись обильно декорированные серьги с многочисленными подвесками. В этом возрасте девушку называли *сыргалык/сыргалу*, что в тюркских языках значит «имеющая серьги», «с сергами» [3, с. 121].

В традиционной культуре тюрков Сибири были известны обряды дарения серег невесте, что обозначало смену статуса девушки. И в настоящее время можно наблюдать модификацию этого обычая при сватовстве или проводах невесты. Так, в обрядовой практике хакасов было разрешено сватать детей заранее, примерно с пятилетнего возраста. Обычай «брака / свадьбы по чести» помимо прочего предполагал подарок коралловых серег маленькой девочке, которые сразу же вдевали ей в уши как знак «засватанности». Родители девочки принимали на себя обязательство выдать дочь замуж за оговоренного жениха при достижении брачного возраста [4, с. 180].

Взрослые замужние женщины саяно-алтайских тюрков носили серьги разнообразных типов, с охранительной и продуцирующей символикой. Хакасские женщины во время праздников к паре коралловых се-

рег надевали коралловые височные украшения, подчеркивая этим торжественность костюма [5, с. 126].

Вдовство, как специфический жизненный статус, маркировался переменной набора украшений. У батчатских телеутов, в частности, вдова не имела права носить серьги в течение года после смерти мужа [6, с. 155]. Хакасские вдовы также не должны были носить серьги в полном комплекте, как замужние женщины; им позволяли оставить на серьгах по одной–две коралловые бусины или носить одну полную серьгу [7, с. 235]. Отсутствие или упрощение серег, можно полагать, демонстрировало временную потерю репродуктивных возможностей женщины-вдовы, ее ритуальную смерть. Пожилые хакасские женщины также переставали носить массивные коралловые серьги; они вдевали в уши импровизированные сережки из пуха хвоста гуся или утки – «котек», которые обычно носили молодые девушки [8, с. 53]. Повсеместно в Южной Сибири пожилые женщины носили маленькие кольцеобразные сережки, также свойственные детскому возрасту [9, с. 78].

Женские традиционные украшения волос у тюрков Саяно-Алтая, как и серьги, обладали множеством значений, что было связано в основном с широким спектром сакрализованных представлений о волосах в традиционной культуре. Волосы были включены в мифоритуальную сферу, связанную с продолжительностью жизни, счастьем и «долей», считались особой субстанцией, сохраняющей и увеличивающей силы человека [9, с. 79]. Согласно мифоритуальной концепции жизни тюрков Саяно-Алтая, ребенок до трех лет (*бала*) в полном смысле не являлся «человеком». Изменение его положения происходило в ходе ритуала первой стрижки волос.

Первые косички хакасских девочек могли заплетать пуповиной – в качестве оберега [10, с. 256]. У теленгитов пуповины *киндик*, хранимые в кожаных мешочках, также могли вплетать девочкам в косички; затем, когда они подрастали, делалось украшение *шалтрак*, и мешочек прикрепляли к нему [11, с. 104]. Прежде детские украшения типа *шалтрак* были широко распространены у тюрков Саяно-Алтая.

Традиционный *шалтрак* теленгитов представлял собой небольшую прямоугольную пластину (обтянутую тканью), сплошь расшитую раковинками каури, мелкими белыми пуговицами, металлическими бляшками, с мешочком – *кин*, куда зашивали пуповину ребенка. Если ребенок был единственным в семье, то к пластине пришивали металлическое колечко. *Шалтрак* являлся наспинным украшением. Его носили до 11–12-летнего возраста дети обоего пола.

Из деталей *шалтрака* (пуговиц, раковин) по достижении 16 лет телеутским девочкам делали накосные украшения [11, с. 104]. Этот прием в конструировании девичьих украшений был, по всей видимости, известен и у алтайцев. В детский костюмный комплекс алтай-кижи входили наспинные украшения, которые впоследствии разбирались и использовались в конструировании накосников девочек на выданье. При

этом накосник приобретал более широкое поле значений, связанных с обережными практиками.

Накосники наиболее выразительно маркировали половую дифференциацию и социально-возрастной статус владелицы. Увеличение кос по мере приближения к свадьбе было основной тенденцией изменения прически в женской культуре кочевников Южной Сибири и шире – Центральной Азии. Хотя в описаниях И.Г. Гмелина и у С.П. Крашенинникова есть упоминания о том, что прическа засватанной тюльберской девушки состоит из четырех кос, в отличие от обычной девичьей, в которой заплетается до двадцати кос (цит. по: [1, с. 134]).

Включение девочки в активную хозяйственную среду как помощницы матери (7–8 лет) у хакасов отмечалось разделением волос на три сегмента – один затылочный и два височных, в каждом из которых плелись по три косички – *сурмес*. В это время в жизни девочки появлялось первое украшение – пушок из хвоста домашних птиц (уток, гусей). Переход в категорию невест обозначался наиболее существенным изменением украшений. Хакасским девочкам в возрасте 13–14 лет косички переплетались: на затылке – от 5 косичек, по вискам – от 5 до 9 косичек. В общей сложности число должно было быть нечетным. Повседневным накосным украшением становилась кисточка из шелковых нитей, иногда с раковинами каури, монетами, низками из бисера и бусин – *нинчиноос* или перламутровыми пуговицами – *танапоос*. В этот возрастной период также носили накосное украшение для соединения косичек на спине – *нанчи* (дословно – «наспинник») [10, с. 256–257].

Рассмотренные аксессуары были известны хакасам с давних времен. По материалам И.Г. Георги 1770-х гг., «телеутские женьщины» волосы заплетают в две, а иногда и больше косы, «которые украшают лентами, раковинами, кольцами или бряжушками. По большей части прицепляют девки к затылку украшение, шириною в ладонь, длиною пядени на две, покрытое корольками и сему подобным», а у тюльберов девушки носили косички, «которые, включая лицо, кругом всей головы висят» (10–20 шт. – по С.П. Крашенинникову, до 20 шт. – по И.Г. Гмелину, 20–30 шт. – по И.Г. Георги) (цит. по: [1, с. 186]).

Во время свадьбы у тюркских народов Саяно-Алтая девичий костюм традиционно менялся на женский. Распространенным девичьим украшением на Алтае были кисти из витых волосных шнурков с бисеринами или раковинами каури на концах – *чач пууш*. В день свадьбы к одному из жгутиков привязывали специфическое украшение *тана* – кружок в 1,5–3 см в диаметре из кости, рога, перламутра или фаянса с отверстием в центре. После свадьбы *чач пууш* не носили, а *тана* подвешивалось непосредственно к косе [12, с. 120].

В косы молодой женщине алтай-кижи вплетали накосники – шнуры, оканчивающиеся тяжелым украшением с нашитыми в два-три яруса раковинами каури, которые разделялись золотыми, серебряными, медными кольцами, подвесками из бисера или метал-

лическими пластинами. Накосники соединяли между собой шнурами и низками бисера.

У телеутов к косам женщины также привязывали большие перламутровые, костяные или фаянсовые плоские пуговицы с отверстиями – *тана* [13, с. 138–139]. У бачатских телеутов к косам могли прикреплять монеты царской чеканки или рубли и полтинники 1920-х гг. Очень редко встречались иностранные монеты, например в пять франков 1845 г. [1, с. 158]. Сагайцы и кызыльцы устраивали малый праздник по случаю заплетания волос на следующий день после привоза молодой в дом мужа. У качинцев этот обряд выполнялся собственно на свадьбе [4, с. 184]. Многочисленные косички *сурмес* девушки-невесты переплетались в две тугие косы *тулун*, которые положено было носить замужней женщине. От этого обряда происходило и название свадебного торжества – *сас той* – праздник волос. После него девушка считается уже несвободной. На самой свадьбе косы переплетаются и соединяются на груди двумя накосниками с кисточками и монетой, соединенными серебряной цепочкой или коралловыми бусами [11, с. 258].

Таким образом, у саяно-алтайских тюрков основным маркером замужества выступала прическа женщины из двух кос с подвесками, включая круглую перламутровую или костяную бляху *тана*, или заменяющую ее серебряную монету.

Дальнейшие изменения в структуре украшений женщины были связаны с рождением ребенка. Материнство означало переход женщины в следующий возрастной класс. Если хакасская молодая женщина не могла иметь детей, то она носила одну косу, независимо от того, замужем она или нет [11, с. 258]. Анализ широкого круга материалов показывает, что украшения волос в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая были связаны с материнством и возможностью продолжения рода. У пожилых женщин, перешагнувших рубеж деторождения, накосные украшения практически отсутствовали. В траурной прическе вдовы демонстрировалась инверсия: все украшения, соответствующие статусу замужней женщины, снимались. По полевым материалам, у телеутов вдовы снимали накосные украшения *тана* и после завершения траура заплетали косы прядями вниз, в отличие от замужних женщин, заплетавших их прядями вверх. На седьмой или сороковой день вдовы алтайцев заплетали косы и укладывали их вокруг головы, завязав концы на лбу. Точно так же убирали волосы умершей замужней женщины [6, с. 155].

Женскими украшениями, соответствующими детородному возрасту, у тюрков Саяно-Алтая являлись различные нагрудные украшения. Ритуал надевания такого украшения, как правило, сопровождал церемонию сватовства. У многих тюркских народов ожерелье было обязательным свадебным подарком. Известно, что у древних тюрков накануне брачной ночи на невесту надевали ожерелье *боуаг*, которое маркировало переход в другую социально-возрастную группу и свидетельствовало о том, что девушка уже несвободна [14, с. 121].

Нагрудные украшения, как полагают исследователи, имели глубокие традиции в кочевой тюркской культуре. Важное символическое значение женский нагрудник *пого* вплоть до современности играет в культуре хакасов. Включение его в свадебный костюм не случайно – нагрудник невесты связан с тем, что молодой паре желали иметь потомство. Раньше *пого* беременные женщины носили на уровне пояса, чтобы уберечь плод от дурного сглаза, сейчас его носят только на уровне груди¹.

Своеобразным вариантом съемных нагрудных украшений в телеутском костюме были украшения воротника и украшения грудного выреза платья – *тöйтöк*. Воротник представлял собой картонную или берестяную полосу, обшитую сукном и украшенную тесьмой, «золотой нитью» и *акча* – берестяными прямоугольниками, обшитыми золотыми или серебряными нитями. Нашивной *тöйтöк* был вытянутой вдоль груди формы, он состоял из двух симметрических половинок из бересты, обшитых сукном и декорированных золотым или серебряным галуном, парчой, тесьмой, пуговицами и *акча* [1, с. 148–149].

Одежда с воротом на Алтае выступала символом состоявшейся жизни женщины. Оформление ворота, вероятно, имело смысл оберега и пожелания счастья, которое виделось в детях и благополучии семьи². Хакасские мастерицы под воротом рубахи пришивали с двух сторон по перламутровой пуговице *марха*, украшая каждую кораллами. При продаже платья их спарывали, чтобы не продать счастье. Если старую рубаху пускали на тряпье, то ворот отпарывали, чтобы освободить душу [15, с. 168]. Вдова у алтайцев до полугода или до нового замужества не носила на платье воротника [6, с. 155].

Украшения для рук у саяно-алтайских женщин появлялись в ансамбле украшений невесты и замужней женщины. Кольца и браслеты, конструктивно представляя собой круг, являлись универсальным символом соединения, залогом обладания партнером. Их присутствие закрепляло оформление новых семейно-родственных отношений. На Алтае парень дарил кольцо девушке, которую сам выбирал себе в невесты. Если девушка соглашалась на замужество, то она принимала подарок. У хакасов символом будущего брака выступал браслет [7, с. 173]. Характерным украшением замужней тувинки были браслеты *билектээи*, которые носили по одному, по два или по три и массивные перстни со щитком [16, с. 73]. Хакасские свахи украшали свои руки массивными литыми перстнями *чустук*.

¹ Нестерова Н. В. Пого – украшение и оберег хакасских женщин // Фестиваль «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/504280> (дата обращения: 12.04.2009).

² Тадина Н.А. «Без ворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует» (к вопросу интерпретации символики статуса у алтайцев). URL: http://www.eurasica.ru/articles/altaiian/na_tadina_bez_vorota_shuby_ne_byvaet_bez_zaysana_narod_ne_sushestvuet_k_voprosu_interpretatsii_simvoliki_statusa_u_altaitsev/ (дата обращения: 17.04.2009).

Одной из важнейших зон в мифологической анатомии человека был телесный центр – пуп (а в традиционном мировоззрении и пуповина – *кин*). Его оберегом и вещественным маркером служил пояс *кур/хур*. Ношение пояса считалось необходимым и достаточным указанием на принадлежность миру людей [17, с. 5]. Дополненный оружием пояс в кочевой среде был обязательным атрибутом мужчины и воина, его символом. Металлические украшения, акцентирующие пояс, были распространены в тюркской среде, особенно среди знати. Металлические бляхи *терги* делались из серебра, латуни или меди. Они были литыми и изготавливались местными кузнецами, причем мужские традиционно отличались от женских (их делали гладкими, без всякого орнамента, женские же обязательно орнаментировались, иногда весьма тщательно и сложно). Специальные поясные свадебные пряжки делали из серебра, их надевали вместе со свадебной шубой, а потом носили только по праздникам [18, с. 217].

Женские пояса украшались бляхами-пряжками. Алтайские женщины к подвесным бляхам *пель* привешивали мешочки с пуповинами детей – *кин*, по количеству и форме которых можно было узнать о количестве детей – мальчиков и девочек – у женщины: заостренные мешочки хранили пуповины мальчиков, а округлые – девочек. Этим поясу дополнительно придавались функции охраны и защиты жизни детей и семьи в целом [19, с. 43].

Таким образом, символизация пола и социального статуса обозначалась за счет усложнения девичьих украшений и появления специальных видов новых украшений, главным образом головных и нагрудных. Украшения на костюме невесты и замужней женщины воплощали идею плодородия как основного жизненного предназначения женщины. Схема маркирования половозрастного статуса девочки–девушки–женщины в общем виде выглядит следующим образом: недифференцированность украшений девочек, появление в украшениях девушек-подростков первых четких полодифференцирующих признаков (с сохранением черт как бы социальной неполноценности, «бесплодности украшений»), постепенное возрастание дифференцирующих признаков у девушек на выданье и невест, четкая половая маркированность украшений замужних женщин. В связи с выходом из фертильного возраста набор украшений упрощался и сводился к минимуму, наблюдалось возвращение к детскому («бесполому») варианту. Отсутствие в костюме женщины украшений означало ношение траура, ритуальную бесплодность и неспособность к продолжению рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993. 325 с.
2. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // СМАЭ. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
3. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 172 с.
4. Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного населения народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 179–193.
5. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов: учеб. пособие. Абакан, 1998. 352 с.
6. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
7. Бутанаев В.Я. Хакасские украшения из серебра и кораллов // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб, 1992. С. 234–236.
8. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
9. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
10. Кидиекова И.К. Прически и украшения волос в комплексе обрядов перехода у хакасских женщин // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Шестых Сибирских чтений. СПб., 2005. С. 254–258.
11. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии телеутов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001, 224 с.
12. Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: СМАЭ. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 105–128.
13. Москвина М.В., Павлова Е.Ю., Самушкина Е.В. Конкурс «Шанкы» на празднике Эл Ойын в Республике Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 5: Материалы V регион. науч.-практ. конф. им. проф. А.П. Уманского. С. 136–140.
14. Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 188 с.
15. Шульбаева А. О своеобразии элементов хакасской одежды и украшений // Традиционная хакасская культура глазами учащейся молодежи: исследования Хакас. нац. гимназии-интерната им. Н.Ф. Катанова. Новосибирск, 2012. С. 165–169.
16. Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири: СМАЭ. СПб, 2005. Т. LI. С. 12–120.
17. Байбурун А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы: СМАЭ. СПб: Наука, 1992. Т. XLV. С. 5–13.
18. Потанов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
19. Потанов Л.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. М.: Наука, 1951. Т. 13. С. 5–60.

Статья поступила
в редакцию 04.03.2013